

великому князю Всеволоду». По-видимому, в этом перечислении народов следует видеть не только границы русской земли, как они рисовались автору, но и факт включения в них по крайней мере некоторых из перечисленных народностей. Если это так, то предвосхищение этой идеи можно видеть в развернутом по капителям Георгиевского собора цикле разнородных масок.

3. Образы «Слова»: «дубравы чистые», «поля дивные», «винограды обителны», «звери различные» и «птицы бесчисленные», т. е. своего рода земной рай, через изображение богатейшей флоры и фауны в скульптуре Георгиевского собора, восходят к идее рая — фруктового сада в «Молении».

4. «Князья грозные» и «вельможи многие» «Слова» продолжают идеи и образы «Моления» и скульптуры Георгиевского собора, причем и в «Слове» автор отталкивается от образа князя Ярослава Всеволодовича, которого автор «Моления» сравнивал с грозным львом.

5. «Города великие» и «дома церковные» в «Слове о погибели» — это то, о чем мечтал и автор «Моления». Автор «Слова», конечно, исходил из реальных городов и домов церковных Владимиро-Суздальской земли, представлявших яркое явление не только русской, но и общеевропейской истории.

6. Народные эпитеты и фольклорные образы одинаково свойственны всем трем памятникам.

Конечно, приведенные примеры далеко не исчерпывают родства «Слова о погибели Рускыя земли» со сравниваемыми памятниками, но задачи и размеры статьи позволяют ограничиться сказанным. Важно отметить поразительное совпадение архитектоники зачина «Слова» с перечислением всех «чудес» Русской земли и программы скульптуры Георгиевского собора, в которой «многие красоты» Владимиро-Суздальской земли развертываются в том же порядке: сначала общая панорама природы (орнамент первого яруса), затем «винограды обителны», звери и птицы (орнамент второго яруса), на фоне чего демонстрируется сила и мощь владими́ро-суздальских князей в виде многочисленных патрональных рельефов. Если это единство в последовательности развертываемых картин можно отнести за счет естественно-логического процесса мысли, то единство идейно-образное говорит не только об историческом родстве замыслов, но и об «авторском соприкосновении» (см. ниже). И это тем более примечательно, что авторы сравниваемых произведений творили в различных жизненных обстоятельствах и эмоциональное отношение к действительности у них было разное. Создается такое впечатление, что автор «Слова» в своем поэтическом порыве исходил из тех же сокровенных мыслей и чувств, которые двигали создателями скульптуры Георгиевского собора и которые ощутимы уже у автора «Моления Даниила Заточника».

Можно ли в авторе «Слова» видеть автора «Моления», как думали Х. М. Лопарев, а вслед за ним В. А. Келтуяла³⁰ и некоторые другие? Фактических данных для этого нет, но идейное родство всех трех памятников настолько велико, что в авторе «Слова» следует видеть человека, очень близкого к княжеским дворам Переславля-Залесского и Юрьева-Польского,³¹ следовательно, могущего быть знакомым и с автором «Моления», и с мастером Бакуном.

³⁰ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 1. СПб., 1913, стр. 793.

³¹ А. В. Соловьев считает, что автором «Слова о погибели Рускыя земли» был «дружинный певец» князя Ярослава Всеволодовича (А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 102).